
pocket**book**

rocket**book**

СИРИЛ МАССАРОТТО

*Первый,
кого она забыла*

МОСКВА
2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М32

Cyril Massarotto
LE PREMIER OUBLIÉ

© XO Editions, 2012. All rights reserved.

Перевод с французского *Серафимы Васильевой*

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Массаротто, Сирил.

М32 Первый, кого она забыла / Сирил Массаротто ; [пер. с фр. С. Васильевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 192 с.

ISBN 978-5-699-81011-6

Эта книга о любви. О любви абсолютной, которая не ослабевает с годами, которая не зависит ни от каких обстоятельств, — о любви сына и матери.

Эта книга — об уходе. Главный герой, молодой писатель по имени Томá, переживает самые тяжелые годы жизни. Его мать больна, с каждым днем коварный Альцгеймер отвоевывает новый и новый участок ее мозга, чтобы заставить ее забыть о тех, кто был ей дорог больше всех, — о детях. Эта книга — пронзительная, трогательная и — примиряющая с жизнью. В момент, когда Томá будет больше всего, он получит подтверждение тому, что мать помнила о нем и любила его — всегда.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

© Васильева С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81011-6

ЧАСТЬ 1

Один КРУШЕНИЕ

Томá, через три года после дня А

— Здравствуй, мама.

— Вы кто?

Так рухнул мой мир: одна-единственная фраза — и я стал первым, кого она забыла.

Мадлен, в день А

В тот день я выходила из супермаркета. День как день, ничего особенного, надо было прикупить кое-чего на выходные: овощей, не био, а самых обыкновенных; еще курицу, помидоров. (Томá с того самого дня, как узнал это в школе, все твердил мне: «Мама, помидор — это ффрукт, да-да, ффрукт, честное слово!», и с тех пор, составляя список покупок, я никогда больше не записывала помидоры в овощи.) Еще я взяла несколько бананов и сеточку

яблок. Но главное — на дне моей «экологической» сумки звякали, ударяясь одна о другую, две бутылки канадского кленового сиропа — для десерта. Мои ребята — все трое — так любят поливать этим сладким тягучим ликером фруктовый салат! Это уже стало семейной традицией: когда они приходят все вместе на обед, в воскресенье или по случаю какого-нибудь праздника, они всегда получают по большому салатнику, где несколько кусочков фруктов плавают в целом море сиропа.

Сласти творят чудеса: благодаря им любовью взрослый превращается в ребенка.

Когда я вышла через главные двери, те, что находятся напротив кассы номер двадцать шесть — мое счастливое число, день моей свадьбы, — я вдруг забыла, куда поставила машину. В последние годы такое случалось со мной нередко, я то и дело забывала, где моя машина, в каком ряду я ее поставила. Я всегда была такой, это у меня, конечно, от мамы, которая вечно все забывала, путала имена и даты, теряла ключи; отец называл ее растеряшкой, и я в детстве долго думала, что растеряшка — это такая мышка, не знаю почему, просто мне так ка-

залось из-за названия. Но все, что забывалось, обычно вспоминалось снова — стоило только немного сосредоточиться. Так где же я ее все-таки оставила эту машину? Справа, рядом с большим навесом для тележек, или все же левее, около мест для инвалидов? Мне никак было не вспомнить. Терпение, не будем волноваться, решила я: через минутку, нет, через полминутки я все вспомню.

Как всегда.

Минутка оказалась долгой; не одну, а две или три минуты — вот сколько она продлилась. Терпение мне не помогло: я ничего не вспомнила. Я не стала нервничать, а решила прогуляться туда-сюда по паркингу: так я точно рано или поздно наткнусь на свою машину. Я пошла вдоль первого правого ряда и вдруг в ужасе остановилась: я поняла, что главная моя беда была не в том, что я забыла, куда поставила свою машину. Нет, самое страшное было, что я не помнила, какую машину искать, — маленькую красную или большую синюю.

Вот так рухнул в тот день мой мир; я стала маразматичкой.

**Томá, через три года
после дня А**

— Мама, это же я! Томá!

— Томá... Конечно... Томá... Э-э-э... вы...
э-э-э... Нет, я вас не знаю.

Почему? Почему она меня забыла? Почему именно меня? Конечно, мы знали, что это случится, знали с самого начала, с того момента, когда медицина в лице маленького чернявого толстячка с короткими ручками услужливо объяснила нам, что все будет очень тяжело и не только для нашей бедной мамы, но и для нас, что процесс необратим; мы про все это знали — про деградацию, про разные стадии развития процесса, про постепенную потерю самостоятельности; мы знали все эти дикие термины: агнозия, апраксия, афазия и ожидаемая продолжительность жизни.

Нет ничего противоречивее, чем это выражение — «ожидаемая продолжительность жизни»: ведь когда вам говорят такое, это означает, что ждaть-то больше и нечего, впереди только смерть, и единственное, на что можно еще надеяться, чего ожидать, — что

она не будет ни слишком медленной, ни слишком мучительной.

Все это было известно, *мне* известно, и я принял это, — у меня не было выбора. Да, принял, но не на таких же условиях! Чтобы стать первым, кого она забыла!

Как вообще такое могло случиться? Не может она меня забыть! Меня!..

— Ладно, посмотри немного телевизор, потом тебе станет лучше, и ты узнаешь меня — конечно же, узнаешь.

— Который час?

— Девять утра, мама. Я на ночь уезжал к себе. Ты спала?

— Не знаю.

— Ну, ты же помнишь: вчера вечером я был тут, с тобой, а сегодня утром приехал опять, как всегда! Погоди, я зашел в аптеку за твоими лекарствами.

— Ой, вы будете делать мне укол?

— Укол? Какой укол?

— Откуда я знаю! Дайте мне, пожалуйста, посмотреть телевизор.

И тут меня словно ударило — прямо в сердце: ведь с самого моего прихода она называет меня на «вы»! Моя мама говорит мне

«вы». Вчера вечером я был Томá, ее сыноч, а утром она мне выкает. Как такое могло получиться: чтобы за одну ночь я начисто исчез из ее головы?

Это не я, это она только что сделала мне укол — больно кольнула своей забывчивостью. Такое чувство, что она вонзила мне иглу между глаз — страшно больно; я таращусь, чтобы как-то перетерпеть боль, которая как будто стекает по щекам.

— Ну, мама, я же не доктор! Посмотри на меня. Дай сюда пульт, я убавлю звук. Посмотри на меня. Ты узнаешь меня, а, мам? Я не делаю уколов, я твой сын, Томá, ты же знаешь, — твой любимчик! Ладно, шучу, ты нас всех троих любишь одинаково, да? Твоих ребятишек! Скажи, ты их одинаково любишь, твоих ребят? Расскажи-ка мне о детях, всё и вспомнится.

— О детях? Да, конечно, у меня есть дети!

— Ну, давай, рассказывай!

— Старший — Робер, он родился ровно через девять месяцев после нашей свадьбы. Дитя брачной ночи — так про него говорили. Ах, вы знаете, когда Робер был маленьким, он терпеть не мог своего имени — это у него началось, как только он пошел в шко-

лу. А я ведь говорила мужу, что не стоило называть его в честь бабушки, но тот погиб на войне, сражаясь за Францию, и был награжден медалью — разве с этим поспоришь, особенно если ты дочь невоеннообязанного, куда там! Ну, Робер так Робер. Он стал называть себя Боб: узнал, что в Америке Роберта де Ниро — знаете, это артист такой, — все зовут «Боб», вот и он долго так себя называл. Но потом, когда стал взрослым, это у него прошло, и теперь он представляется всем как Робер.

— Отлично, молодец.

— Он — судебный исполнитель. Это очень хорошая работа, он много зарабатывает, мы, его родители, никогда столько не зарабатывали. Вы не можете этого знать, но для матери это такая радость, такая гордость — знать, что ее сын чего-то добился в жизни.

Почему же, я знаю. Когда вышел мой первый роман, они тоже гордились — мама и папа. Особенно папа. Он перечитал все мои книги, он знал их лучше, чем я сам. Мама тоже гордилась, но потихоньку. В тот день, когда она попросила надписать ей мою книжку, я сначала подумал, что она шутит,

но когда понял, что ей действительно этого хочется, чуть ли не неделю придумывал, что бы такое ей написать. Единственная дарственная надпись, которую можно написать собственной матери — это слова благодарности, а чем еще отблагодарить мать, как не пообещав ей по возможности остаться в живых? Вот я и написал: «Моей маме, которая не спросила меня, хочу ли я жить, но которая всегда все делала для того, чтобы мне хотелось увидеть завтрашний день». Она прочла и ничего не сказала, но мне показалось, что она была разочарована, конечно, тут больше подошло бы простое «Я тебя люблю». Посвящения подобного рода были ей до лампочки, а «Я тебя люблю» — такого я ей, конечно же, никогда в жизни не говорил. А вот написать мог бы...

— Кстати о гордости, что там с твоим следующим ребенком? Расскажи-ка мне все о нем!

— Следующей у меня родилась доченька, Жюльетт.

— Нет, а до Жюльетт!

— Робер? Так я только что о нем рассказала!

— Да, а после Робера?

— Так доченька — Жюльетт!

Да нет же, черт возьми, через три года после Робера был я! Я, а уже потом, через два года после меня, — Жюльетт, наша младшенькая!

— Расскажи про нее...

— Вы знаете, она такая милая, моя доченька, у нее свое агентство недвижимости, и она так много работает, но навещает меня почти каждый день!

Да нет же, неправда! Она приезжает только по выходным! Это я, я один, прихожу каждый день, все время, а те двое — они живут слишком далеко, у них всегда работы по горло и никогда нет времени, черт бы их подрал! А вот я действительно торчу здесь все время, каждый день! Каждый чертов день я тут бываю, а ты меня не узнаешь?

— Да, мама, а между сыном и дочкой, между Робером и Жюльетт, был?.. Был?..

Она не отвечает, только смотрит на меня. Пустота.

— Был я, мама! Твой сын Тома! Писатель. Ты еще говорила: «Он так меня беспокоит, решил заняться творчеством, вот его брат и сестра, у них, по крайней мере, всегда